

Татьяна Горохова

«Служенье муз не терпит суеты»

Татьяна Горохова

"Служенье муз не терпит суеты"

«Автор»

2026

Горохова Т.

"Служенье муз не терпит суеты" / Т. Горохова — «Автор», 2026

Публицистическая книга московской журналистки Татьяны Гороховой составлена из очерков, эссе, интервью с людьми искусства - писателями, поэтами, художниками, литературоведами, словом мастерами. В книге также представлены образцы творчества этих людей.

© Горохова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Горохова

"Служенье муз не терпит суеты"

Глава

Татьяна Горохова

«Служенье муз не терпит суеты»

Вступление

Публицистическая книга «Служенье муз не терпит суеты» составлена из интервью, эссе и статей о поэтах и художниках, а также преподавателях, журналистах, литературоведах, скульпторах и декораторах – словом, мастерах – людях искусства, истинных интеллигентах, с которыми мне приходилось встречаться и общаться.

Все эти люди, прошедшие через мою душу, принадлежат к определенному культурному слою, который невозможно уничтожить и о котором имеет смысл знать и помнить. Они обладают «высокой пассионарностью», по Гумилеву, и образуют вместе тот духовный потенциал, накопленный ими при жизни, который, верю, нужно передать другим.

«Смысл жизни в преумножении духа, хоть на йоту», – как верно сказал однажды мой любимый режиссер Андрей Арсеньевич Тарковский. Именно это сделал его отец – большой русский поэт Арсений Александрович Тарковский своими божественными, по словам Анны Ахматовой, стихами. Ими он соединил свое поколение с Серебряным веком.

Мне довелось знать людей, о которых эта книга. В кого-то страстно влюбляться, кого-то влюблять в себя, с другими дружить долгие годы, с некоторыми коротко пересекаться. Многие из них уже ушли.

Все они оставили яркий след в моей жизни, один из них стал моим мужем.

Мужчины и женщины, художники и поэты – гуманитарная и техническая интеллигенция. Гуманисты своего времени, люди, несущие истинную культуру. Настала пора вспомнить о них. Многим – светлая память. Ныне живущим – долгих лет творческой жизни. И много любви!!!

О себе

Я родилась 15 декабря 1966 года в Москве в роддоме в Люблине. Мой отец принес моей маме в палату огромный букет свежей сирени. Где он ее взял в двадцатиградусной морозной Москве, осталось загадкой.

С годика и до 16 лет меня отправляли на все 3 летних месяца в деревню Тяпкино – в дом моей бабушки Надежды, в Калужскую область, километров 300 от Москвы.

Я полюбила ее навсегда, – особенно Лес, Поле, Закаты и Свободу. («Дневники», Ридеро, 2019).

Я вспоминаю синие-синие васильки. Я в поле одна рву букет, высоко в небе жаворонок. Солнечно. Спелые колосья клонятся к земле. Я беру один колосок, вылуциваю зерно. Оно мягкое и нежное и сладкое на вкус.

Помню, как я просилась на костер с моими взрослыми двоюродными братьями и сестрами ночью в лес и меня, о счастье, взяли! Огромный красный огонь на поляне и сухие березовые листочки, искорками летящие в небо («Круг земли», МГУ, 2014).

Первое стихотворение я написала в 18 лет, и связано оно было с моей болезнью. У меня в детстве часто случались отиты, и после них остался странный шум в левом ухе. Я думала – пройдет, но оказалось, что этот крест под названием Tinnitus навсегда. (стихотворение «А если есть такая боль», 1984).

Вообще, что-то записывалось, писалось, сочинялось всегда. Я начала лет с 11, и это тоже было связано с болезнью: пролежала целый месяц в больнице, у меня была болезнь Боткина -- инфекционный гепатит -- и после выписки стала играть дома во врача. Придумала себе пациентов с говорящими фамилиями и выдумала им различные болезни. («Записки врача Колечкиной», 1980).

Училась я в обычной средней школе в Новогирееве. Необычной была только моя дружба с девочкой-двоечницей, новенькой, которую перевели в наш класс, и она сразу прилепилась ко мне, отличнице. Я стала с ней дружить – привела в свой дом, и она впоследствии предала меня, отбив у меня мальчика, который мне нравился, и выйдя за него после окончания школы замуж. У меня осталась травма. Ее судьба сложилась печально (роман «Встреча», Ридеро, 2018).

После окончания школы я поступила на факультет журналистики в Московский университет. Со второй попытки и без блата. Правда, после первого провала пришлось поработать два года медрегистратором в детской поликлинике, записывать пациентов, чтобы врач пришел на дом.

К этому времени относится и моя первая любовь. Он был преподаватель, мэтр, старше меня на 30 лет, я – молоденькая студентка с комсомольским значком на белой блузе. Он был недосыгаем. Я страшно влюблена. Нас называли Эсмеральда и Квазимодо.

В 2014 году вышел мой первый сборник стихов «Круг земли» в издательстве МГУ. Первый цикл посвящен Борису Степановичу Святошенко.

В университете учиться мне было очень интересно. Нравилось все. Я чувствовала себя взрослой, умной, свободной и была ужасно влюбчива. Не проходило и года, чтобы я по кому-нибудь не сохла, не страдала. И, видимо, потому, что все мои тогдашние любви были безответны или почти безответны, я писала стихи. Опыт моих душевных переживаний вошел в первую книгу стихов («Круг земли», МГУ, 2014) в разные циклы.

Совершенно случайно я нашла литературную группу, которая занималась по воскресеньям и встретила там единомышленников и настоящих друзей на всю жизнь. Это было чудо. Вел наше ЛИТО «Бригантина» Капитан – поэт и поэт-переводчик Дмитрий Юрьевич Цесельчук. Надо ли говорить, что все мы – бригантинки женского пола поголовно были в него влюблены. Меня в этом кругу прозвали Лисой за нрав. И так и закрепилось за мной надолго – Лисичка.

Дима-капитан и познакомил неволью меня с моим будущим мужем в Купавне на родовой подмосковной даче, где он отдыхал и работал. Я встретила моего художника в 1995 году. Начался роман с Евгением Надалинским. Я устроила его в газету, где работала сама, в немецкоязычную Neues Leben. Мы стали ездить вдвоем в командировки по России: на Урал в город Златоуст, в Миасс, в Пермь.

Но он и я как-то не торопились со свадьбой, и я в 1998 году, получив приглашение от профессора Вюрцбургского университета на магистерскую программу, быстро собралась и уехала в Германию. На долгих 5 лет.

Чемодан писем с той и с другой стороны говорит о многом, и главное о том, что чувства не просто не утихли, а, наоборот, разгорелись с новой силой. На пятый год разлуки я приняла решение – вернуться в Россию.

Годы на чужбине были для меня необыкновенно наполненными – событиями, новыми людьми, впечатлениями и делами. Я объездила всю Европу, побывала в 12 европейских странах. Но именно Германия Баха и Гете, Моцарта и Гейне оставила во мне глубокий след, именно там я по иронии судьбы воцерковилась, нашла свой приход и свой храм, именно там поняла, что значит молиться (повесть об этом времени «Мозаика», Ридеро, 2019). Я объединила ее с более ранней моей прозой «Дневники», изданной тогда же и там же – в издательстве в Екатеринбурге «Ридеро».

Моя история любви легла в основу романа «Встреча» (Ридеро, 2018), начатого еще в Германии и опубликованного уже здесь, в России.

Вернувшись, я вышла замуж за Женю. Летом 2004 года, 8 августа, мы обвенчались. Началась семейная жизнь, а с ней новые трудности, так как мой муж часто болел. Он очень талантливый. А еще, просто грешный, как все мы на этой земле. Я все переносила стойко, хотя много переживала и много плакала. Через 2 года, в 2006 году, в феврале, у нас родился первенец – наша дочь Верочка.

Мы с мужем и дочкой жили в доме его мамы, точнее, в половине дома в Купавне.

Это было счастливое незабываемое время – материнство, радость творчества. Женя вернулся к графике и живописи, много фотографировал. Я не работала. А до декрета была единственной сотрудницей в отделе проверки в газете «Культура». Я наслаждалась Купавной и семейной жизнью.

В 2009 грянул гром. Серьезно заболела моя мама – онкология, да еще и вторая по счету в ее жизни. Она не перенесла. Ушла в конце этого же года.

А в следующем родился мой второй ребенок, сын Максим, радость наша. И утешение всем нам. Особенно моему отцу, на которого он очень похож.

После смерти моей мамы (а Женину маму мы похоронили еще в 1996 году) мы взяли отца к себе в Купавну и стали жить все вместе, однако счастливая жизнь с моим добрым отцом продолжалась недолго, всего 4 года. Он, как и мама, заболел – онкология, и тоже вторая, и через месяц после срочной операции его не стало. Мы с Женей полностью осиротели. Нас только дети спасали. Они – наши солнышки (эссе «Отец», альманах «Словесность», 2018).

Я никогда не переставала писать. Стихи, эссе, очерки, статьи, заметки, рецензии, прозу... Перечитала, сидя в разодранном кресле в Купавне, зарубежную и русскую классику, записывала интервью, собирала материалы для будущих книг.

Не переставала я и путешествовать. Голос бродяги все чаще звучал в моей душе, и я строила планы. Сначала наша семья делала вылазки на короткие расстояния – на Азовское море в Казантип. Мы 3 раза были там и влюбились в это местечко. Оно стало для нас родным после последнего посещения, когда мы познакомились с хозяином дома-корабля «Алые паруса» Виталием Гавриловичем Тороповым (портрет «Мичман Торопов»). К сожалению, он тоже уже умер.

Однако желание более серьезных глобальных изменений не давало нам с мужем покоя. В этом мы были всегда едины. Мы мечтали, сидя на грядках в огороде в Купавне, об эмиграции. Я усиленно учила английский язык. Самостоятельные занятия дали результат. Я сдала экзамен и подала документы. Нам пришло с дочкой приглашение на учебу в Новую Зеландию. Сын и муж, предполагалось, едут как туристы. Отказ.

Тогда я придумала: мы продадим Купавну, полетим на острова в Тихом океане, а оттуда через 2 часа будем в Новой Зеландии. Сказано – сделано.

Я после долгих волокит и даже суда продала дачу, прописала мужа в Москве, купила билет почти за полмиллиона рублей, и мы вылетели в январе 2019 года на острова Фиджи в Тихом океане в город Нанди. Там я должна была учиться в институте Свободных птиц – Free Bird Institute на языковых курсах. Нашу жизнь на островах в Тихом океане я описала в повести «Фиджи-тайм». (альманах «Словесность», 2019).

Мы вернулись, вынуждены были вернуться. Мы стали жить снова летом в Купавне в доме сына моего мужа от первого гражданского брака, кровного брата моих детей Станислава, купаться в Бисеровом озере и ходить в церковь, в которой, по легенде, должны были венчаться Пушкин с Натальей Гончаровой, но из-за эпидемии холеры церковь была выбрана другая, и снова мечтать об отъезде.

Эта книга о творчестве писателей, поэтов и художников 20 и 21 веков, с кем довелось мне беседовать, общаться, жить. Она собрана из моих интервью, эссе, очерков о талантливых людях, которые делали одно дело, точно названное словом – Служение.

«Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво: ...», – сказал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин в своем стихотворении «19 октября 1825 года». Последуем этому совету.

Татьяна Горохова

Евгений Владимирович Бачурин

Евгений Владимирович Бачурин – поэт

**,
бард, художник. Романтик, живописец, человек изумительной музыкальной культуры, виртуоз игры на гитаре, всю свою творческую жизнь стоял особняком в поле творчества**

–

прожил, так сказать, на обочине культурного авангарда...

«Мы живем в ожидании вишен...»

Он родился 25 мая 1934 года в Ленинграде, а москвич Дмитрий Юрьевич Цесельчук на Арбате, с разницей в 12 лет... Дима младше. Это не помешало им сойтись и дружить многие годы. Евгений Владимирович Бачурин окончил Московский полиграфический институт, заслуженный деятель искусств РФ.

1994 год. Фестиваль авангардной поэзии в Барнауле. Дмитрий Юрьевич Цесельчук – организатор этой поездки от Союза литераторов – позвонил в самый последний момент, когда уже была укомплектована команда. «Поедешь?» Я: «Да, очень хочу». Это мой первый фестиваль, первое выступление. Возможность почитать свои стихи на большую аудиторию редка. А команда – Юрий Арабов, Тимур Кибиров, Евгений Бачурин, Иван Жданов, Дмитрий Цесельчук, Дмитрий Тонконогов – все известные в разной степени поэты. Сложившиеся. И я, начинающая.

Кроме того, мне, как журналистке, предоставлялись неограниченные возможности пообщаться с маститыми.

И вот я уже в первый же вечер у ног Жени Бачурина, то есть буквально он сидел на кровати с гитарой в руках, а Дмитрий Юрьевичем рядом на кровати с ним, а я у ног на коврике на полу, гостиничная комнатка маленькая.

Он пел много и разное. Все, что мы просили, спел. И сам был очень рад тому, что мы пришли и слушали. А мне удалось поговорить с ним.

ИНТЕРВЬЮ 1994 ГОДА. Барнаул. Фестиваль авангардной поэзии.

Т.Г.: Когда все началось, как Вы начали сочинять?

Е.Б.: У меня биография сложная и насыщенная. Я – музыкант, хотя и не получил музыкального образования. Сам выучился. Понимаете, если музыка в крови, но, с другой стороны, все это такая нескладуха: вместо ораторий песни, я и художник, и поэт, и музыкант... Я первый начал сочинять так называемый экологический цикл, до меня такого не было, именно к нему относятся и знаменитые «Дерева, вы мои деревья...». Они прозвучали впервые в телефильме «Лица» в исполнении Евгении Симоновой и сразу стали популярными.

Т.Г.: Сколько всего песен у Вас на сегодняшний день?

Е.Б.: Около 120 песен, но еще столько же стихов... картин штук 50, вот сейчас на руках 27-28, а остальные проданы... десятка полтора продано, я живу за счет картин... Продаются редко, но если продается, то это дорого, и я могу жить.

Т. Г.: С кем Вы общались, встречались? Обрисуйте свой круг.

Е.Б.: У меня, когда я жил в Уланском переулке напротив Дома «России», кто только не был... Перебывало множество диссидентов, уезжающих из России творческих людей. Стрельников уезжал в Германию, Лимонов жил два месяца перед отъездом в США, были известные актеры и поэты: Кублановский, Кайдановский, Кончаловский, Теличкина, Кабаков, Попов, Евгелевский, Булатов... Это были 70-е годы, кто там только не был...

И вот когда вокруг меня такой улей, конечно, я не мог писать картины так как написание картин требует сосредоточения и спокойствия, я тогда делал литографии, а улей был вокруг. Я был певцом мастерских, элитарной публики, художественной творческой интеллигенции. Для меня это было приятно, но я все ждал каких-то плодов, взлета что ли популярности, а этого не было.

Т.Г.: Вы состоялись как поэт-бард и художник?

Е.Б.: Я считаю, что я неудачник, хотя сейчас вот прошла моя юбилейная выставка и даже было опубликовано много интервью со мной в различных изданиях. Безусловно, след есть, но меня же выдворили изо всех обойм, я не вхожу ни в какие тусовки, ни в какие союзы, я буквально вылетаю, говорят, что у меня неуживчивый характер, не знаю.

Сожалеть об этом глупо, а жаловаться можно только Господу Богу, но и это тоже глупо, ему идет и так слишком много жалоб, поэтому надо доживать как-то свой век – вот я и доживаю.

У меня вышло пять пластинок, но куда они разошлись, по каким любителям романтики – не знаю... А вот книги стихов пока нет.

До какой-то степени я был в андеграунде, не выходил наружу. Я – человек с обочины, с кухни начинал и кухней должен закончить.

Т.Г.: Вы имеете в виду, что творили для так называемого кухонного поколения, для той части интеллигенции, которая собиралась на кухне дома у кого-нибудь и пела там, читала свои стихи и сценарии.

Е. Б.: Образ моего творчества самобытен и мало интересен в социальном смысле. Я как бы отстранен от социума, и потом, Тань, я никогда не писал блатных песен, а это важно – они сразу бы дали толчок интереса в народе, как было с песнями Высоцкого. Вот Булат был первым в смысле такой интимной исповедальной лирики, а я уже шел через десятилетие и не стал народу близок. Может быть, другое поколение, не знаю почему. И потом ты же поняла, что музыка у меня сложная – она требует как минимум музыкальной культуры, но и общей культуры. Человек должен быть внутренне подготовлен к восприятию моих песен.

Т.Г.: Вы были за границей?

Е.Б.: Первое мое выступление было в Польше, в Варшаве и Гданьске вместе с Долиной и другими бардами. Но я вам так скажу, все-таки я – чисто русский поэт и меня слушают русскоязычные. То есть люди, владеющие русской культурой, знающие ее.

Т.Г.: Женя, песню «Про любовь» спойте, пожалуйста.

Е.Б.: Опять про любовь... сколько можно про любовь... Песен много, стихов тоже, вот недавно вышел новый компакт-диск, а четыре диска ранее разошлись быстро в Москве. В 1976 году вышла пластинка «Пьяный корабль».

Он начал петь: «Все про любовь» (но вдруг закашлялся и прервал свое пение. И потом сказал: «Вы меня оживили... я чрезвычайно вам благодарен за присутствие в этой вот моей маленькой комнате. Иногда кажется, что вот-вот сдохнешь, а вот вы пришли – и опять живой».

Он пел, а потом жаловался на судьбу и снова пел, говорил о том, что не смог и не захотел бороться и расталкивать всех локтями, и о том, что что-то не сложилось и он недостаточно славен и известен. Тогда мне была непонятна его жалоба, его этот предварительный итог. Я просто ждала песен, и он пел, не скупился.

Его слушали Анастасия Цветаева и Андрей Тарковский, Максим Шостакович, он знал Булата Окуджаву – «он как бы толкнул меня на это занятие..., а был он уже в 68-69 годах знаменитым...»

Книга «Дерева, вы мои деревья...» вышла в 2004 году. Книга «Я ваша тень» вышла в 1999 году. Шесть дисков, множество пластинок, записанных на фирме «Мелодия».

Потом я узнала, что Евгений Бачурин еще и замечательный художник. Все дары, данные ему Богом, реализовал. Все сложилось. И он навсегда в сердце моем и других любящих.

Факт: картины Евгения Бачурина висят в Третьяковской галереи и в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, также в музеях различных городов России.

Лирик современности с особым даром, он проповедовал гуманитарные ценности. Я смотрела в YouTube его концерт 2004 года. Как его слушали молодые ребята, как виртуозно он играл на гитаре, приближаясь даже к джазу.

«И мы начнем стихи читать, и жизнь продлится...»

А когда в 2022-м я была на 11-м Новогоднем фестивале исполнителей бардовской песни «У хороших людей» в Ивановском, приятной неожиданностью стало исполнение его песни «Мы живем в ожидании вишен...». Точно повторились мелодия и интонация, только женским голосом.

Евгений Владимирович Бачурин

Все про любовь

Все про любовь, только все, что про нее, не про нас,

Не про тебя, ангел мой, не про меня.

Вон за холмом скрылся и последний огонек погас,

Лишь остался, как спасенье в пути,

Свет небесного огня.

Долог тот путь, и пространство нам руками не сомкнуть.

Времени нет, словно выстрел, грянул век.

Все про любовь, только нам коня назад не повернуть,

Не промчатся в быстрых саночках вдвоем,

Прошлогодний стаял снег.

Все позади – клятвы верности с изменами не в такт.

Все от школы до семьи-попыньи, от белья до алых лент.

Там и любовь, а у нас с тобою вечный контракт

Между телом и душой, ангел мой.

Все притихли на момент.

Кружится снег, но еще, наверно, будет весна.

Поезд ушел, на другой билетов нет.

Что ж, ангел мой, для любви жизнь бывает тесна,

Но не спета наша песенка с тобой,

Есть еще один куплет.

Все про любовь, только все, что про нее, не про нас.

Александр Александрович Пушкин

Александр Александрович Пушкин – литератор, поэт, главный редактор журнала Слово/Word ..

Он – потомок великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Живет в США.

«Мне фамилия моя всегда мешала...»

Он немногословен и предельно скромен. Интроверт. Его улыбка обезоруживает. Его манеры отличаются аристократизмом. Одет он модно.

А. А. Пушкин – главный редактор журнала Слово/Word, который уже много лет выходит в Нью-Йорке. Он – автор уникальной статьи «Всего лишь одна ветвь семейства Пушкиных», а также трех поэтических сборников: «Второй завтрак», «Уходя по-английски», «Произвол судьбы», изданных в разные годы в издательстве «АСТ». И много, много еще не опубликованного, сокровенного.

Он – волк-одиночка. Без потомков. Пятое поколение семьи А. С. Пушкина.

Т.А. Горохова: Александр Александрович, я вот о чем хочу Вас спросить. У Анны Андреевны Ахматовой есть поэтическая строчка «Есть встречи случайные». Она это сказала, точно

зная, что случайностей в жизни не бывает. А как Вы относитесь к Провидению, к Року, к Воле Случая?

А.А. Пушкин: Положительно и убедительно. Верю.

Т.Г.: Вы – верующий человек, православный?

А.П.: Да.

Т.Г.: В этот приезд Вы побывали в родовом имении Пушкиных в Михайловском (Пушкинские Горы). Как Вас приняли?

А.П.: В Михайловском музей открыт, но там никого не было, ни одного посетителя, кроме нас. И зрители, конечно, очень удивились. Окружили нас. Кто это? Но мы не открыли страшную тайны. Что это Пушкин в Михайловском...

Там же идти полчаса по лесу, по лужам, по снегу...

Т.Г.: Когда последний раз Вы были в Свято-Успенском Святогорском мужском монастыре, где похоронен Александр Сергеевич?

А.П.: Вот как раз сейчас и был. Это же есть в романах Павла Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Так вот и монастырь сейчас весь в лесах. В горах и в лесах. И могила вся в лесах. Моя сестра работает в Свято-Успенском монастыре, а муж ее теперь отец Михаил. То был все Мишка, Мишка... «Как теперь к тебе обращаться?» – спрашиваю. «Отец Михаил», – отвечает.

Т.Г.: Да, это правильно. Именно так надо обращаться к духовному лицу.

Т.Г.: Александр Александрович, расскажите, пожалуйста, о бабушке Кате, которая похоронена на Ваганькове. Какая она была? Какое влияние оказала на Вас? Кто поставил памятник на ее могиле в виде Ангела?

А.П.: Памятник поставил ее сын – дядя Миша, младший брат моего отца. А мой отец Александр был старшим. Дядя Миша – Михаил Георгиевич Пушкин – был скульптором-монументалистом. Одна из его работ – группа рабочих с винтовками, лопатами у метро «Улица 1905 года».

Бабушка Катя фактически меня воспитала. Даже мама моя сказала, что меня воспитала бабушка. Она меня учила хорошим манерам, иначе бы я их не набрался. Это самое элементарное, но нужное в жизни (рыцарство, интеллигентность для мужчины). А мать моя не из дворян.

Екатерина Александровна – дочь внука Александра Сергеевича, единственная, поздняя, присутствовала на коронации, посвященной 300-летию Дома Романовых. Она была из XIX века, а попала в XX. Она прошла все эти революции, все эти коммуналки – она прошла многое...

Екатерина Александровна, я считаю, прервала эту цепь Александров, хотя и назвала своего старшего сына – моего отца – Александром. Но и я тоже ее прервал, потому что у меня детей нет.

А в Бельгии живет ее внук, от младшего сына Григория. Я недавно был на могиле у бабушки Кати. Вот еще вопрос тревожит меня: у меня родная тетя в Нью-Йорке, старая уже...

Т.Г.: Однажды я была на одном литературном вечере. Там были пушкиноведы. Зашел разговор о дуэлях Александра Сергеевича. Я блеснула своими познаниями, сказав, что до роковой он сам инициировал 10 дуэлей. Пушкиноведы меня поправили – всего было 30 дуэлей, из них состоявшихся 5. Как Вы относитесь к дуэлям? Почему, по Вашему мнению, так поступал Александр Сергеевич? Что это – спор с судьбой или сознательный поиск смерти?

А.П.: Ни то, ни другое. Просто ему мало было. Он всем доказал, что он – великий поэт. Теперь ему надо было доказать, что он еще и Рыцарь, Защитник, Мужчина. Самому себе доказать и всему свету. Поэтому он и носил знаменитую трость. А как лично я отношусь к дуэлям? По крайней мере лучше, чем мордобой.

Т.Г.: Согласна.

А.П.: Вот, например, мой отец Александр. В детстве бабушка Катя одевала его в девчачьи платица маленького, так было принято в дворянских семьях – мальчиков наряжать. А когда отец мой подрос, он стал накачиваться, боксом заниматься, то есть делать из себя мужика, а то бы так и остался – интеллигент паршивый.

Мы выросли в Брюсовом переулке. Но даже там приходилось выживать в Москве 30-х годов. Это была знаменитая Косауровка (сейчас там Министерство науки и высшего образования РФ). А раньше что-то барачное, нищенское. Со мной жили низы общества, в смысле моральном подзаборники. Хотя немного дворян еще оставалось в этих домах напротив церкви. И вот мой отец и брат ходили как оборванцы и познакомились с чернокожим писателем из Америки – Гомером Смитом, который спросил их: «Почему потомки великого поэта России ходят в таком виде?» Он потом помогал им, привозил вещи из Америки, так что мой отец и дядя Миша одеты были во все американское.

Т.Г.: В каком году Вы уехали? Почему? Что-то конкретное или?

А.П.: Конкретное. Но никакой политики. Хотя, постойте, политика все же была – тогда была антиалкогольная политика. Времена Горбачева. И мы у первомага «Универмайский» – у универмага «Первомайский», где вот эти розы вместе с тройным одеколоном – ну не комильфо.

Т.Г.: Ну и?

А.П.: Ну и это в частности. А вообще поехал «за любовью, не за туманом» ... Вот как-то так. Но это долгая история...

Т.Г.: Александр Александрович, чем Вы деньги зарабатываете, какой профессией?

А.П.: Мне 66 лет. Я пенсионер уже, а был таксистом. Тридцать пять лет за баранкой. С 1988 года. Еще работал учителем, преподавал в Америке в колледже русский язык. Я же закончил Московский педагогический институт (русский язык и литература). Тогда была потребность в русском языке, стремление его изучать, и знать, и читать русскую классику в оригинале, а теперь нет.

Т.Г.: Александр Александрович, что за медальон Вы привезли из Америки, для чего?

А.П.: Моя прабабка Анна Петровна – жена внука Пушкина – сделала всем своим детям медальончики со своим портретом, серебряные. И у каждого они были, каждый носил такой медальончик. И моя бабушка Катя носила. И вот один такой медальончик почему-то был у меня, а должен был быть у Кати – моей двоюродной сестры, дочери Михаила, скульптора. Я ей его и отвез. Это медальон Софьи Ланской (жены старшего сына Александра Сергеевича). Софья была племянницей Ланского, который на овдовевшей Натали Пушкиной женился!

Т.Г.: Этот медальон представляет какую-то большую ценность, это драгоценная вещь с камнями?

А.П.: Нет, это просто память, просто память...

*P.S. Гомер Смит – автор книги *Black Man in Red Russia* («Черный мужчина в красной России», посвященной Екатерине Александровне Пушкиной, бабушке А.А. Пушкина).*

Александр Александрович Пушкин

Ты, Яуза-река, сверши благое дело, –
– Не замерзай пока, будь ручейком живым,
Кораблик из газет, наполнен снегом белым,
Снеси в своих руках на тот конец Москвы.

Погибнет он в тепле почтового отдела,
Не доверяю я шершавым мостовым,

Лишь на твоих, река, руках заледенелых
Дойти ему живым, дойти ему моим.

Я снег свой собирал с высоких самых елей,
В измайловских лесах, единственных вовек.
Единственной такой декабрьской метелью
Рожден был этот снег, мой самый белый снег.

Столь призрачно – текуч, прекрасно – неконкретен,
Контрастно все его святое естество,
Прими его, река, Единственную третьей
Ты сможешь оценить достоинства его.

Ты, Яуза-река, открой на время шлюзы,

Прошу, не замерзай, будь ручейком живым,
Газетный пароход под бело-снежным грузом
Ты на руки отдай на том конце Москвы.

Андрей Михайлович Голов

**Андрей Михайлович Голов – поэт, переводчик,
Государственный стипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства» по представлению СЛ РФ,
автор нескольких стихотворных сборников и стихотворных переводов, а также книг современных западных историков, культурологов и исследователей цивилизаций минувшего. Одна из интереснейших – «Попытка к бытию». Стихотворения и филологизмы. Москва «Вахазар», 2006 г.**

Путь к водопаду

Сложилось так, что Андрей инвалид I группы. С десятого класса в инвалидной коляске. Это все равно что внезапно ослепнуть. Ведь 17 лет он еще ходил по земле. Голов окончил Государственные центральные курсы заочного обучения иностранным языкам.

«Вследствие болезни выбор профессии у меня почти вынужденный. Я работаю переводчиком, перевожу с английского и немецкого языков научно-техническую литературу, иногда стихи, хотя трудно представить себе две более противоположные стороны одного и того же дела», – Андрей будто оправдывается за свою болезнь.

Когда мы впервые пришли к нему (мы – это группа москвичей разного возраста из разных вузов, которые занимались в литературной студии «Бригантина») слушать стихи, я жутко комплексовала. Все время пыталась заглянуть под стол и не принимала участия в обсуждении. А во главе стола сидел молодой, розовощекий человек в очках и читал. Полное лицо, крупный нос, очень живые, пронизательные глаза. Впечатление жесткого, сильного человека. Андрей читал:

К каждому времени
Подходят свои ключи.

Вот и наш век
Одинаково легко открывается
Залпом «Авроры»,
Улыбкой Чаплина и ядерным грибом над Хиросимой,
Финтами Пеле и колесами лунохода,
Вдавливающимися в пыль вечности...
А кроме этого, у каждого
Есть еще свой особый ключик
К нашему времени –
И именно от него и зависит,
Каким ключом
Будут отпирать наш век
Потомки из будущего
И состоится ли это будущее.
(«У ворот времени»)

У него есть свой ключик для времени. И для современности, и для прошлого. XVIII век – особая часть его жизни.

Задумчивые березняки в Сокольниках,
Затянутые туманом растрескивающихся почек,
Так странно похожи на раскрашенные гравюры
Обстоятельного осмнадцатого века,
Запомнившие и Красные ворота, и Сухареву башню,
И затейливую неуклюжесть Китай-города.
И Москва-матушка,
Не прихорашиваясь
И не пряча добрых морщин своих,
Как старая труженица,
С одинаковой добродушностью смотрится
В посветлевшую Язу,
В мазки Рябушкина,
И в хрупкую желтизну дагерротипов:
Она ведь знает, конечно, знает,
Что мы любим ее верно и преданно,
Как бы ни спешила она
Поменять свои стены и мосты
И уютных старинных улочек
Мерцающие и, словно изразцы, не тускнеющие
Бессчетно вековые имена...
(«Москва-матушка»)

Он захлопнул свою зеленую папку с листочками и отложил в сторону. Мы тут же выдохнули: «Ничего не осталось?» «Хватит, ругайте за это. Слушаю». Тогда началось обсуждение.

– Андрей рекламирует время, зная, что есть лучшие времена.

– Мне кажется, что-то изменилось в манере высказывания. Я получаю удовольствие вживания от игры во время.

– Да есть вчувствование в век плюс мягкая ирония. Но есть что-то более сильное, что стоит за формой.

– Медитативные стихи. Видимо, действует правда вживания в это время. Да именно так, каждый день так.

– Наверное, это ощущение поиска себя, вечно ускользающего. Путь от себя к себе. Вы говорите о желании найти Путь к водопаду.

Мы пробуем стихи. Прислушиваемся к строчкам, вникаем в образы. Андрей – наш Водопад.

Обычно мы собирались у Андрея по воскресеньям. Матушка – он именно так ее называл – пекла пироги и ставила на стол вазу с яблоками. Это традиция, которую в доме Андрея всегда соблюдали. Андрей часто говорил о важности для него чувства фона, ощущения постоянного присутствия людей, личностей, а не просто привычно почитаемых авторитетов из прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.